ТЕМА НОМЕРА: СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

2019.02.001. Е.В. ЯКИМОВА, А.М. ПОНАМАРЕВА. НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И *HOMO NEOLIBERALUS* ПОД ПРИЦЕЛОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ: *Введение к тематическому разделу.*

E.V. YAKIMOVA, A.M. PONAMAREVA. Neoliberalism and *homo neoliberalus* through the prism of sociological and psychological criticism: Introduction to the thematic section. DOI: 10.31249/rsoc/2019.02.01

Аннотация: В статье рассматривается становление неолиберализма как социально-политической программы в период с 1920-х годов по настоящее время, а также основные направления критики неолиберальной идеологии.

Abstract. This article considers the development of neoliberalism as a social-political program from the 1920s until today and basic arguments in the critique of neoliberal ideology.

Ключевые слова: неолиберализм; финансовый кризис; Вашингтонский консенсус; идеология; плюриверсализм; постфеминизм; агентность; неолиберальный урбанизм.

Keywords: neoliberalism; financial crisis; Washington Consensus; ideology; pluriversalism; postfeminism, agency; neoliberal urbanism.

В истории неолиберализма как социально-политической программы можно выделить четыре этапа. Первый продлился с 1920-х до начала 1950-х годов. Термин «неолиберализм» начал наполняться содержанием, когда представители Фрайбургской школы попытались наметить контуры рыночного общества, воплощавшего, по

их мнению, оптимальный механизм организации экономики и обеспечения индивидуальных свобод. В качестве адекватного ответа на вызовы 1930-х годов неолиберализм должен был представлять из себя нечто большее, чем экономическую доктрину *laissez faire*. В 1947 г., когда еще не было принято однозначного решения о разделе Германии, в Греции под видом гражданской шла типичная прокси-война, а в докладе представителя ЦК КПСС А.А. Жданова впервые прозвучал тезис о расколе послевоенного мира на «два лагеря», 36 ученых под руководством австрийского экономиста Ф. фон Хайека, собравшись на конференции в местечке Мон Пелерин, объединились в общество с одноименным названием, с тем чтобы пропагандировать экономическую политику свободного рынка и политические ценности открытого общества. Отметим, что впоследствии восемь участников «Общества Мон Пелерин» (*The Mont Pelerin Society*) стали лауреатами Нобелевской премии по экономике¹, в то время как созданное в том же 1947 г. по инициативе Москвы Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ), призванное обеспечить СССР рычагами воздействия на развитие международных событий через компартии и левые силы в мире, просуществовало лишь до 1956 г. Влияние «Общества Мон Пелерин» было заметно уже в статье М. Фридмана «Неолиберализм и его перспективы», ставшей своеобразным переходным звеном между работами европейских основателей течения и интересами следующего поколения исследователей, группировавшимися преимущественно вокруг Чикагского и Виргинского университетов.

Второй этап – это период с начала 1950-х годов до «неоконсервативной революции» М. Тэтчер и Р. Рейгана 1980-х годов. В данном случае мы наблюдаем слияние терминов «неолиберальный» и «неоконсервативный», применяемых к такой модели хозяйствования, которая предполагает право государства осуществлять программирование экономического развития при сохранении представления о свободном рынке и неограниченной конкуренции как о средствах обеспечения прогресса. Теоретической рамкой для работ исследователей второго поколения Чикагской школы служила «ме-

¹ Ф.А. фон Хайек, М. Фридман, Дж. Стиглер, М. Алле, Дж. М. Бьюкенен, Р. Коуз, Г.С. Беккер и В. Смит.

тодология позитивной экономики», из которой впоследствии выросла концепция монетаризма М. Фридмана и теория захвата регуляторов регулируемыми Дж. Стиглера. Все они разделяли убеждение, что свободный рынок является институциональным гарантом выбора и служит лучшим защитником общественных интересов в сравнении с государством. Единственно опасным проявлением монополизма они полагали присвоение власти профсоюзами. В политической практике это представление отразилось, в частности, в действиях, осуществленных М. Тэтчер: разгроме профсоюзов и сокращении социальных программ (*Thatcher – Milk Snatcher*, так прозвали «железную леди» британской политики еще в бытность ее министром за отмену выдачи бесплатного молока ученикам школ). Стратегию политиков-неоконсерваторов определяла гипотеза «просачивания богатства сверху вниз» – популярная точка зрения монетаристов о том, что от обогащения элит в конечном итоге выигрывают все слои общества. Внутри неолиберального течения умеренную оппозицию «чикагским мальчикам» представляли европейцы, в частности немецкие ордолибералы, придававшие большее значение энергичной антимонопольной политике¹.

Третий этап в истории неолиберализма, начавшийся после 1980 г., ассоциируется с активным внедрением принципов рыночной либерализации и финансовой дисциплины в международную политику и торговлю. Неолиберализм вырывается за границы евроатлантического и западноевропейского общественно-политического дискурса и проникает во многие глобальные институты. Его принципы берут на вооружение экономисты Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), Европейского союза (ЕС) [Стедмен-Джоунз, 2017]. Эта экспансия неолиберализма фиксируется появлением термина «Вашингтонский консенсус», предложенного в 1989 г. британским экономистом Дж. Уильямсоном для обозначения свода правил экономической политики для стран Латинской Америки, вступивших на путь «демократического транзита». Речь шла о

¹ Ордолиберализм – немецкая ветвь неолиберализма, объединявшая видных экономистов вокруг редактора ежегодника «Ordo» В. Ойкена, работавшего с 1927 г. во Фрайбургском университете. По мнению ордолибералов, роль государства должна ограничиваться лишь формированием экономического строя, тогда как регулирование и ход хозяйственного процесса происходят спонтанно.

принципах, которые, по мнению Уильямсона, отражали общую позицию администрации США, главных международных финансовых организаций – МВФ и Всемирного банка, а также ведущих американских аналитических центров. Их штаб-квартиры находились в Вашингтоне – отсюда и термин «Вашингтонский консенсус».

Согласно исследованию экспертов Heritage Foundation Б. Джонсона и Б. Шефера, с 1965 по 1995 г. МВФ «спасал» с помощью «Вашингтонского консенсуса» 89 стран. К 2010 г. 48 из них оставались примерно в такой же экономической и социальной ситуации, как и до помощи МВФ, а в 32-х ситуация ухудшилась [Schaefer, Johnson, 1998].

В апреле 2011 г. Д. Стросс-Кан, глава МВФ (2007–2011), выступил с заявлением, что «Вашингтонский консенсус» «с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади», а причиной кризиса 2008–2009 гг. как раз и стало выполнение его правил [цит. по: Башкатова, 2011].

Таким образом, начиная с 2008 г. мы можем говорить о четвертом этапе в развитии неолиберализма, когда от убежденности в его исторической неизбежности и безальтернативности большая часть экспертного сообщества переходит к представлению о необходимости критического переосмысления данной программы и выработки более нюансированных подходов.

Обращение психологических дисциплин (теоретической и исторической психологии, психологии личности, феминистской и социальной психологии, мета- и критической психологии, медицинской психологии и психотерапии) к феномену неолиберализма как системообразующей переменной современного глобального миропорядка имеет причины и цели, отличные от тех, которые характерны для социально-экономического либо политологического анализа. Интерес психологии к неолиберальным ценностям и принципам организации жизни общества обусловлен в первую очередь тем, что психологические дисциплины так или иначе вовлечены в продуцирование, легитимацию и сохранение неолиберальных идеалов и практик, что делает их имплицитным участником неолиберального процесса и субъектом ответственности за его результаты. Среди неолиберальных практик, опосредованных психологической теорией, – духовная и телесная трансформация инди-

видуального Я в соответствии с требованиями рынка; культивирование личного успеха в его наглядном (материальном) выражении; подчинение жизненных траекторий императиву «ответственного выбора» на фоне жесткой самодисциплины и самоконтроля; психотерапевтические, медицинские и косметические манипуляции для создания имиджа вечной молодости и здоровья; тактики «успешного старения»; тотальная коммерциализация межличностных, семейных и партнерских отношений; перманентная калькуляция как стиль жизни, ориентированной на поддержание баланса затрат и выгод; этика заботы о себе. Так или иначе, в фокусе внимания современного психологического знания, связанного с феноменом неолиберализма, находится *homo neoliberalus* как воплощение исторически нового, уникального типа человеческой субъективности, который подчиняет себе все прочие варианты личностной индивидуализации и агентности и бросает вызов традиционным ценностям гуманизма, взаимопомощи, социального участия и солидарности.

Психологическая рефлексия, касающаяся неолиберализма, предполагает его толкование не столько как принципа организации общества по законам свободного рынка, сколько в качестве целостного духовно-практического содержания современной эпохи. Это контекст и фактор продуцирования и поддержки неолиберальной субъективности, картины мира и типа мышления. Именно под таким углом зрения, который не исключает роли основополагающих социально-экономических и политических установок неолиберализма, проходило его обсуждение в рамках симпозиума, состоявшегося в августе 2017 г. в Вашингтоне в рамках ежегодного съезда Американской психологической ассоциации.

Цель симпозиума заключалась в обмене мнениями относительно роли, которую играет или может играть психологическое знание в формировании социального воображения, сфокусированного на неолиберализме. Как показывает обзор докладов, часть которых представлена в настоящей реферативной подборке, в центре дискуссий находились следующие темы: неолиберальный субъект и трансформация Я; неолиберализм как рационально-утилитарный, «вычислительный» стиль мышления, связь последнего с продуцированием научного и социального знания; (пост)феминистская психология как заложница неолиберальной идеологии; неолиберальные представления о психическом здоровье, норме и патоло-

гии; индивидуализм и «новый нигилизм», выражающиеся в отказе от социального протеста, индифферентность в отношении социально значимых проблем современной эпохи (неравенство, эксплуатация, депривация, нарушение прав); критический анализ неолиберализма как условия и фактора перечисленных выше тенденций общественной жизни.

Критика в адрес неолиберализма стала лейтмотивом его обсуждения на симпозиуме. Психологи из США и Канады, несмотря на различия их узко дисциплинарных интересов, оказались единодушны в своем неприятии доминирующей в западном обществе изменений, связанных с человеческой субъективностью и неолиберальной «формой жизни» как таковой. Ключевые критические аргументы касались свойственного неолиберализму нивелирования индивидуальных, социально-классовых, культурных и прочих различий, редукции трансцендентного *Ego*, подчинения индивидуальной и социальной жизни «логике аудита», риторики глобального психического здоровья на фоне тотального контроля, игнорирования социальных аспектов неравенства, признания нецелесообразной любой трансформации социальных и политических институтов, мировоззренческого антиисторизма и асоциальности жизненных ориентиров.

В выступлениях участников симпозиума критический пафос превалировал над конструктивными предложениями, связанными с возможными перспективами превращения психологической науки из заложницы неолиберального социального воображения и порядка в их деятельного контрагента. В качестве альтернативы наличному статусу психологии, вовлеченной в неолиберальные практики, фигурировали такие теоретические платформы и методологические тактики, как критическая история, герменевтика и обновленная «понимающая психология»; эмпирические исследования субъективности и культуры; интерсекциональный социально-психологический анализ; междисциплинарный диалог психологии как «публичной науки» с социологией, статистикой, медициной и клинической психиатрией; критическая педагогика, способствующая поискам новых сценариев будущего за пределами неолиберального мира. Как отметила одна из участниц симпозиума, психологическая теория не может быть только разновидностью интеллектуальных упражнений, ее назначение – разработка кон-

цептуальных схем для практических социальных и политических изменений [Rutherford, 2018, p. 636].

Радикальный путь превращения психологической науки из критика в практика, представляющего реальную угрозу неолиберальному порядку, предложил Уэйд Пикрен¹ в предисловии к подготовленному им тематическому выпуску журнала «Theory and psychology», где были опубликованы доклады участников симпозиума [Pickeren, 2018]. С его точки зрения, психология действительно должна выйти за свои дисциплинарные рамки и примкнуть к международному интеллектуальному движению за плюриверсум, или множественный мир. Идеологи плюриверсализма выступают за «мир, в котором есть место для всех миров» и самых разных эпистемологических, методологических, религиозных и политических систем². Ключевая идея движения за плюриверсум – деколонизация знания – получила развернутое обоснование в рамках международного проекта под названием «Modernity / Coloniality / Decoloniality», замечает Пикрен. По словам одного из главных идеологов проекта, американского антрополога Уолтера Миньола, он олицетворяет собой «эпистемологическое неповиновение» парадигме западной рациональности, ответственной за формирование неолиберальной картины мира, а также поиски путей радикального изменения «геополитики знания» посредством его эмансипации от колониального европоцентризма. Примечательно, что наряду с учеными-антропологами и культурологами, например участниками международной программы «International consortium of critical theory programs»³, Пикрен причисляет к «союзникам плюриверса-

¹ Уэйд Пикрен – психолог и историк науки, руководитель Центра педагогического мастерства Колледжа Итаки (штат Нью-Йорк), редактор журнала *History of psychology*, основатель исследовательской группы *Cultural strengths*, экс-президент Общества истории психологии.

² См., в частности: Maldonado-Torres N. On the coloniality of being: Contributions to the development of a concept // *Cultural studies*. – L., 2007. – Vol. 21. – P. 240–270; Mignolo W. The dark side of Western modernity: Global futures, decolonial options. – Durham (NC): Duke univ. press, 2011; Escobar A. Designs for pluriverse: Radical interdependence, autonomy and the making of worlds. – Durham (NC): Duke univ. press, 2017; Mignolo W., Walsh C. On decoloniality: Concepts, analytics, praxis. – Durham (NC): Duke univ. press, 2018.

³ Официальный сайт программы: International consortium of critical theory programs. – Mode of access: <https://criticaltheoryconsortium.org/> [Accessed: 04.04.2019.]

лизма» идеологов и активистов сапатизма¹. Роль психологической науки в этом калейдоскопе поборников новой эпистемологии состоит в том, резюмирует свою мысль Пикрен, чтобы, не ограничиваясь критикой наличного порядка вещей, предоставить теоретические аргументы и методологический инструментарий, которые высветят историческую исчерпанность неолиберальной западно-центристской модели рациональности и знания, унаследованной человечеством от эпохи Просвещения и нуждающейся в «радикальной деколонизации». «В качестве психологов, – пишет в заключение к своему предисловию У. Пикрен, – мы должны переосмыслить всю систему нашего знания... в терминах плюриверсализма – как принадлежащую миру, где сосуществует много разных миров и происходит взаимное обогащение теории и практики благодаря их взаимному влиянию» [Pickeren, 2018, p. 579].

Критикуя неолиберализм, зарубежные исследователи, как правило, сосредоточивают свое внимание на противоречиях между теорией и реалиями ее воплощения: с одной стороны, идеология неолиберализма включает концепцию минимального государства; с другой стороны, политическая практика неолиберализма приводит к усилению влияния государственных корпораций в экономике и других сферах жизни общества [Хмелинин, Русакова, 2014, с. 44]. В итоге декларируемые свободы оказываются доступны только для тех групп населения, что связаны с государственными структурами; другие же отбрасываются на периферию «дивного нового мира». По утверждению К. Поланьи, идея свободы «сводится, таким образом, просто к свободе предпринимательства», что означает «полноту свободы для тех, чей доход, свободное время и безопасность не нуждаются в защите, и лишь частичную свободу для людей, тщетно пытающихся с помощью дарованных им демократией прав добиться защиты от действий собственников» [цит. по: Писаренко, 2005]. Имена наиболее активных критиков неолиберализма – у всех на слуху. Это Н. Хомский, Н. Кляйн, Д. Харви, С. Жижек.

¹ Сапатисты – участники леворадикального движения в мексиканском штате Чьяпас, выступающие против неолиберальных реформ в Латинской Америке, члены Сапатистской армии национального освобождения (САНО). Именно сапатисты инициировали интернациональное движение против глобализации, собрав на своей территории Всемирный конгресс «За человечность и против неолиберализма» (1996).

Но в рамках настоящей тематической подборки мы постарались представить позицию других, менее известных авторов, чьи статьи, пусть и в не столь яркой форме, но также отражают общую тенденцию пересмотра неолиберальной системы взглядов.

Статья канадского психолога, последователя Э. Шпрангера Томаса Тео (Йоркский университет, г. Торонто) посвящена неолиберальной форме субъективности (НЛФС), которую автор ассоциирует с современной эпохой [Тео, 2018]. Тео рассматривает неолиберализм в качестве недифференцированного духовно-практического содержания, которое служит предпосылкой формирования новой формы субъективности. Заполняя собой жизненное пространство неолиберального мира, НЛФС подчиняет своему влиянию все прочие варианты субъективности, зачеркивая саму возможность формирования личности как агрегата индивидуальных особенностей и оборачиваясь безраздельным господством *homo neoliberalus*. Критическое переосмысление учения Шпрангера о формах жизни показывает, что в современном западном мире наблюдается повсеместная интернализация только одной из них – неолиберальной, которая становится абсолютной психологической доминантой III тысячелетия, полагает Тео.

Анализ социально-психологических составляющих НЛФС (Я, мышление, эмоционально-чувственная сфера, агентность) позволяет сделать вывод о том, что НЛФС довела до критической точки утилитарно-практическую материальную ориентацию человека капиталистического, сообщив ей вездесущность и всеохватность и распространив «вычислительный» стиль жизни на все сферы личностного и общественного бытия, включая субъективное Я, констатирует Тео. Шпрангер не мог предвидеть тех масштабов, которых со временем достигнет присущее капитализму влияние экономической формы жизни, диктующей опору на собственные силы, культ личной выгоды, коммерциализацию межличностных отношений, пассивность государственных и общественных институтов и прочие установки, нивелирующие вековые ценности гуманизма, солидарности, взаимопомощи и служения. Эпоха неолиберализма демонстрирует тот факт, что пик индивидуализации и личностного многообразия в условиях усложняющихся общественных систем уже пройден человечеством. Сегодня агрессор и жертва, маргинал и представитель элиты объединены общей для

всех формой субъективности, которая колонизирует и нивелирует любые проявления личностной и социальной несхожести. НЛФС не делает различий между социальными классами, меньшинством и большинством, мужчинами и женщинами, образованными и неграмотными; она игнорирует темы неравенства и социальной справедливости, подчиняя жизнь общества непреложным законам неолиберальной логики. Это мир, где царит единственный критерий оценки качества существования – рыночная прибыль.

Предпосылками всепоглощающей власти НЛФС, разрушающей индивидуализацию жизни, служат глобализация, эрозия промышленности, доминирование сферы услуг над сферой производства, засилье рынка, тенденция к прерывности профессионального жизненного пути, рост прекариата, культ бизнеса и, наконец, превращение Я в разновидность «предпринимателя по жизни».

Доминирующий тип мышления неолиберального индивида – это рациональный выбор, обусловленный логикой утилитаризма. Агентность неолиберального типа превращает связи, цели и задачи в «инструментальные сущности», подчиняя представлениям о выгоде поиски призвания, профессию и карьеру, семью и близкие отношения. Неустанный мониторинг собственного жизненного успеха в его материальном выражении составляет главное содержание неолиберального Я, которое практикует «новый нигилизм» – абсолютное отрицание целесообразности социальных изменений. Психологические дисциплины, пишет в заключение Тео, служат сегодня мощной поддержкой всех тенденций НЛФС, касающихся самоконтроля, жесткой дисциплины и погони за успехом. Поэтому одной из значимых аналитических перспектив применительно к неолиберальной форме жизни должно стать критическое концептуальное мышление, которое сможет выйти за пределы неолиберального здравого смысла.

Тема неолиберальной субъективности получила продолжение в критическом очерке (пост)феминистской психологии коллеги Т. Тео по Йоркскому университету Александры Разерфорд, а также в статье американских психологов Лизы Косгроув и Джастина Картера (Массачусетский университет, Бостон), в фокусе внимания которых – «медицинский неолиберализм» и продиктованное им новое понимание субъекта психического здоровья.

А. Разерфорд интересуют содержательные и социально-политические связи между неолиберализмом и постфеминизмом, а также роль психологических дисциплин в феминизации неолиберальной субъективности [Rutherford, 2018]. Автор обсуждает возможные перспективы теоретической дискредитации неолиберальных позиций силами психологической науки и социального знания. В контексте социально-политического неолиберального дискурса, в СМИ и в работах современных исследовательниц-феминисток женщины, в особенности молодые представительницы среднего класса, все чаще позиционируются в качестве идеальных неолиберальных субъектов, способных к самостоятельной и ответственной жизни и готовых к внешним и внутренним изменениям в угоду рекламе, моде и рынку. Существенную роль в неолиберальной трансформации женской субъективности сыграл постфеминизм: гендерное равенство достигнуто и теперь женщины располагают всеми возможностями для проявления активной агентности и свободы выбора в вопросах тела, сексуальности и повседневного потребления в самых разных сферах жизни, от пищевых предпочтений и косметических манипуляций до секс- и психотерапии. В большинстве подобных практик так или иначе участвуют психологические дисциплины, на которые ложится груз серьезной ответственности за феминизацию неолиберальной субъективности.

Разерфорд считает недопустимым проникновение неолиберальных и постфеминистских тенденций в собственно феминистскую психологию, которая призвана заниматься критическим осмыслением неолиберальных представлений о женском эмпауэрменте (ключевой категории феминизма и постфеминизма), а также искать способы возрождения интереса к социальному и политическому активизму в рамках современной (пост)феминистской идеологии. Кроме того, как отмечают представители анти- и постколониального феминизма, неолиберальный женский имидж некорректно приписывается представительницам других культур, которые могут иметь свой собственный (традиционный или культурно-специфический) взгляд на женскую агентность и сексуальность.

Разерфорд настаивает на критическом пересмотре неолиберальной версии субъективности – индивидуальной, лишенной социальных измерений, интериоризованной, ответственной за «работу над собой». Эффективным способом теоретического противостоя-

ния неолиберализму она считает аналитический инструментарий интерсекциональных политических и психологических исследований, заявивших о себе на рубеже 1980–90-х годов в рамках критической расовой теории и черного феминизма. Исследовательница также предлагает пополнить теоретический и методологический арсенал феминистской психологии критической историей психологической дисциплины. А. Разерфорд выражает надежду, что феминистская психология вместе с набирающей силу критической педагогикой сможет содействовать разрушению неолиберального мирового порядка.

Л. Косгроув и Дж. Картер солидарны с популярной среди психологов интерпретацией неолиберализма как фактора формирования нового понимания субъекта и психической жизни в целом, а также особого отношения к науке и продуцированию знания [Cosgrove, Karter, 2018]. Характерное для неолиберализма поощрение индивидуализма и личной ответственности оборачивается одновременным усилением контроля за тем, как люди распоряжаются своей свободой. Поскольку в рамках неолиберального общества доминируют экономическая логика и «культура аудита», в медицинской сфере традиционная этика заботы уступает место принципам материальной эффективности, прозрачности и подотчетности, а также повсеместному мониторингу в стиле фукианского надзора (при этом неприятие требований рынка нередко интерпретируется как девиация или патология). Показательным примером этого может служить риторика глобального психического здоровья, типичная для широкомасштабных заявлений ВОЗ. В последние 20 лет появляется все больше материалов, посвященных «бремени» депрессии и обусловленных ею экономических «потерь», в особенности в развитых странах мира. По мнению Косгроув и Картера, позиция ВОЗ упускает из виду вопросы социальной справедливости и глобальных социально-политических барьеров на пути физического и психического здоровья.

Ключевыми неолиберальными инструментами в области психического здоровья в последние годы стали скрининг депрессии и мониторинг пользования социальными сетями. Индивиды в состоянии депрессии, не способные добиваться целей, получать удовольствие и реализовать себя в качестве конкурентоспособных предпринимателей, могут быть описаны как антинеолиберальные

субъекты, которых следует выявлять и лечить. Теперь подобное сканирование осуществляется и в социальных сетях в рамках проектов «больших данных» и «открытой науки» (посты в «Фейсбуке», твиты и материалы в «Инстаграме» проверяются на склонность их авторов к депрессии и суициду и сопоставляются с их медицинскими анамнезами в цифровых архивах). Другой вид «цифрового» наблюдения – это набирающий силу контроль за приемом назначенных лекарств (применение так называемых цифровых таблеток – препаратов, снабженных сенсорами, которые сообщают врачам, когда и как пациенты принимают лекарства). Авторы статьи задаются вопросом: не является ли «открытая наука», столь активно поддерживаемая политиками, исследователями, клиницистами и спонсорами, всего лишь «прислужницей индустрии»? По мнению Косгроув и Картера, сегодня фундаментальная цель науки – поиск нового знания – подчинена коммерческим интересам, что особенно очевидно в медицине и психиатрии. Для преодоления этих тенденций, способствующих коррупции в рамках движения за «открытую науку», они призывают отказаться от решений, лежащих на поверхности (таких как механическое усиление контроля за фармацевтической индустрией или пропаганда идеи неизбежного качественного роста научного знания как следствия его открытости). Кроме того, по мнению Л. Косгроув и Дж. Картера, следует пересмотреть характерное для неолиберализма отношение к психическому как сугубо медицинскому феномену и увидеть его социальную, политическую и правовую составляющие.

В статье Майкла Арфкена (Университет Острова Принца Эдуарда, г. Шарлоттаун, Канада), которая носит обзорно-обобщающий характер, с критических позиций рассматриваются стратегии осмысления неолиберализма в контексте современного социального знания [Arfken, 2018]. Новая интеллектуальная ситуация, обусловленная торжеством неолиберализма и превращением его в доминирующий тип мышления, предоставляет благоприятную возможность для изучения широкого круга вопросов, возникающих на стыке политических, экономических и психологических теорий, которые до сих пор не получили адекватного и непредвзятого освещения, считает Арфкен.

Автор обосновывает ряд критических замечаний в адрес стандартов осмысления неолиберализма в социологии и психоло-

гической науке. Так, он считает «чрезмерным упрощением» интерпретацию неолиберализма как ультралибертарианской доктрины свободного рынка, которая отрицает любые формы государственного вмешательства. Как показывает современная социально-политическая практика, неолиберальный антиинтервенционизм выступает скорее радикально иной формой вмешательства в экономику, чем полным отказом от него. Арфкен призывает не ограничиваться критикой неолиберальных усилий, направленных на демонтаж государства всеобщего благосостояния, поскольку подобный подход уводит от борьбы с капитализмом как таковым. Несмотря на то что государство всеобщего благосостояния призвано нивелировать негативные последствия капитализма, в действительности его главная задача – воспроизводство рыночных отношений. Поэтому те, кто критикует адептов неолиберализма лишь за их отношение к социальному государству, непреднамеренно способствуют легитимизации исторически уникальных форм эксплуатации.

Влияние неолиберализма на психологическую теорию и практику, продолжает Арфкен, связано с переосмыслением представления о том, что значит быть человеком в современном обществе; центральная роль в этом переосмыслении отводится понятию человеческого капитала. Индивид в неолиберальном мире – это «придаток развитого капитализма», а неолиберальных исследователей в первую очередь интересует создание и воспроизводство неолиберального субъекта и неолиберального мировоззрения. Если в классическом либерализме *homo economicus* был элементом процесса производства товаров, то в рамках неолиберализма он сам становится товаром, стоимость которого на рынке определяется объемом накопленного им человеческого капитала.

Арфкен констатирует, что дискуссии о неолиберализме в рамках современной западной психологической науки имеют общий недостаток – отсутствие прямой и открытой критики капиталистического способа производства. Важным шагом к запуску критического обсуждения неолиберализма силами психологии может стать новое осмысление природы человека. В частности, неолиберальному тезису о естественности неравенства, обусловленного, в том числе, человеческой природой, следует противопоставить аргументированную демонстрацию социально-политической ограни-

ченности такой интерпретации. Другой ключевой аспект создания психологической и социальной альтернатив неолиберализму связан с выявлением его современных особенностей. По мнению М. Арфкена, для противодействия неолиберализму следует использовать стратегии политизации индивидуализма и формирования подлинного чувства индивидуальной свободы, не ограничиваясь критикой неолиберального нарратива в рамках психологических и социологических дисциплин.

Отдельной темой настоящего раздела является социологический (по преимуществу критический) анализ тенденций современной градостроительной политики как аспекта глобального влияния идей неолиберализма. В статьях, нашедших отражение в данной подборке, поднимаются проблемы «смартизации» городского пространства как актуальной практики развития современных городов во всем мире (Паоло Кардулло и Роб Китчин, Ирландский национальный университет, г. Мейнют) и влияния неолиберальных политических установок на характер преобразования городской среды мегаполисов (Сурионо Херламбанг, Лионг Ю Тьонг, Университет Таруманагара, Индонезия; Хельга Лейтнер, Эрик Шеппард, Димитар Ангуэлов, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, США).

П. Кардулло и Р. Китчина интересуется влияние неолиберальных идей на урбанистические стратегии управления; ирландские исследователи высказывают ряд критических замечаний по поводу популярных сегодня практик и методов «смартизации» городских пространств с применением информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) [Cardullo, Kitchin, 2018]. В качестве эмпирического материала для своих выводов они используют проекты «Европейского инновационного партнерства умных городов и сообществ» (*Smart cities and communities*).

Авторы рассматривают неолиберальный урбанизм как модель городского развития, основанную на маркетизации и использовании услуг, инфраструктуры и ресурсов города в угоду рынку. Маркетизация городского пространства предполагает простые решения сложных задач, формирование удобных для власти поведенческих паттернов горожан и агрессивное навязывание инноваций без учета местной специфики и мнения жителей. Неолиберальный урбанизм ограничивает диапазон социальной активности горожа-

нина тремя ролями: потребитель навязываемых услуг; обитатель «умного» города; «продуцент» данных, создающий их посредством использования смарт-технологий. Реальной же целью внедрения ИКТ в городское развитие служит привлечение частных инвестиций в сферу социальных услуг с последующим извлечением прибыли. Кардулло и Китчин скептически относятся к стратегии «натаскивания» горожан с целью стимуляции у них тех или иных моделей поведения без интериоризации пропагандируемых природоохранных и прочих ценностей (например, в вопросах энергосбережения или утилизации мусора). Они также считают нерепрезентативными данные завоевавших популярность опросов с привлечением экспертов и «активных граждан», поскольку интерпретация результатов чаще всего сводится к спекулятивной калькуляции. Кроме того, нарекания авторов вызывает всеерный способ внедрения новых моделей и IT-практик без учета их целесообразности в условиях разных городов.

В рамках неолиберального урбанизма, подытоживают П. Кардулло и Р. Китчин, любое городское нововведение оценивается сквозь призму «эффективности», что означает достижение большего с меньшими затратами. Идеи неолиберального урбанизма при всей их актуальности нуждаются в переосмыслении, в том числе путем выявления реальных способов применения ИКТ для решения злободневных городских проблем (социальное отчуждение, неравенство, бедность, экология, безопасность горожан).

С. Херламбанг, Л. Ю Тьюнг и их американские соавторы анализируют последствия выбора Индонезии в пользу неолиберализма в сфере градостроительной политики [Jakarta's great... 2018]. В фокусе исследования – инициированные сверху преобразования Джакарты, включающие крупномасштабные проекты развития частного сектора в центральных и пригородных районах столичного мегаполиса. Коллектив авторов подчеркивает, что применительно к практике городских и земельных преобразований неолиберальные реформы способствуют формированию не только новых пространств, но и новой бизнес-среды, а следовательно, и новых элит, амбиции которых выходят за пределы девелоперской деятельности и содействуют образованию влиятельного неформального сектора экономики. Среди факторов, определяющих траекторию развития современной городской среды в столице Индонезии, авторы отме-

чают глобальное влияние неолиберального урбанизма; гибридный политический режим с элементами институциональной демократии и авторитарной практики, гарантирующий бизнес-привилегии неформальным элитарным группам, связанным с чиновниками; значительную долю иностранного капитала на рынке недвижимости.

Политика «масштабированного неолиберального урбанизма», стартовавшая в стране в 2007 г., отмечена следующими, актуальными и сегодня, тенденциями столичной градостроительной политики: расширение инвестиционной емкости отрасли за счет привлечения иностранного капитала, возросшая активность крупных застройщиков, внедрение концепции «суперблоков» (совмещение магазинов, офисов, индивидуального жилья и апартаментов в одном квартале с безопасным внутриквартальным пешеходным движением). Отличительной чертой «суперблоков» Джакарты является связь названий кварталов со знаковыми местами США, что сообщает столице Индонезии статус «мегаполиса, который стремится к западным стандартам», пишут в заключение авторы.

Завершает тематическую подборку рецензия на эссе известного американского правоведа Рональда Ротунды «Либерализм как слово и символ: Борьба за либеральный бренд в США». Как отметил постоянный обозреватель газеты «Christian science monitor» Дэниэл Шор в предисловии к данному изданию «Рассказывая о том, что произошло со словом, Рональд Ротунда проливает свет на то, что произошло с Америкой. ...Может быть однажды либерализм вернется, но сегодня эта книга служит ему эпитафией» [Ротунда, 2016, с. 10].

В заключение остается констатировать, что существующие критические подходы в отношении идеологии и политики неолиберализма, несмотря на их концептуальную пестроту, сходятся в одном: неолиберализм в последние годы постепенно утрачивает свою доминирующую позицию как в идеологическом, так и в глобальном политическом и экономическом пространстве [Хмелинин, Русакова, 2016, с. 46]. Однако комплексное изучение критических исследований неолиберализма позволяет выявить новые тенденции в развитии предметных областей и дискурса современной политической социологии и социальной психологии.

Список литературы

Башкатова А. Глобализм с человеческим лицом // Независимая газета. – М., 2011. – 6 апреля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2011-04-06/1_globalizm.html [Дата обращения: 30.03.2019.]

Писаренко М. Карл Полаanyi об утопичности саморегулирующегося рынка // Научная цифровая библиотека «Порталус». – М., 2005. – Режим доступа: https://portalus.ru/modules/ruseconomics/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1130508783&archive=1254312998&start_from=&ucat=12& [Дата обращения: 30.03.2019.]

Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: Борьба за либеральный бренд в США / Пер. с англ. А.В. Матешук, В.П. Гайдамака. – М.; Челябинск: Социум, 2016. – 212 с.

Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер / Пер. с англ. А.А. Столярова; Науч. ред. А.В. Кураев. – М.; Челябинск: Социум: Мысль, 2017. – 522 с.

Хмелинин А.А., Русакова О.Ф. Проблема критического анализа неолиберализма в современной политической философии // Социум и власть. – Екатеринбург, 2014. – № 2. – С. 41–48.

Arfken M. From resisting neoliberalism to neoliberalizing resistance // *Theory a. psychology.* – L., 2018. – Vol. 28, N 5. – P. 684–693.

Cardullo P., Kitchin R. Smart urbanism and smart citizenship: The neoliberal logic of «citizen-focused» smart cities in Europe // *SocArXiv papers.* – Ithaca (NY), 2018. – Mar. 9. – Mode of access: <https://osf.io/preprints/socarxiv/xugb5> [Accessed: 22.02.2019.]

Cosgrove L., Karter J.M. The poison in the cure: Neoliberalism and contemporary movements in mental health // *Theory a. psychology.* – L., 2018. – Vol. 28, N 5. – P. 669–683.

Jakarta's great land transformation: Hybrid neoliberalisation and informality / *Herlambang S., Leitner H., Tjung L.J., Sheppard E., Anguelov D.* // *Urban studies.* – L., 2018. – Apr. 18. – P. 1–22.

Pickeren W.P. Psychology in the social imaginary of neoliberalism: Critique and beyond // *Theory a. psychology.* – L., 2018. – Vol. 28, N 5. – P. 575–693.

Rutherford A. Feminism, psychology and the gendering of neoliberal subjectivity: From critique to disruption // *Theory a. psychology.* – L., 2018. – Vol. 28, N 5. – P. 619–644.

Schaefer B., Johnson B. IMF reform? Setting the record straight // *Heritage foundation.* – Wash., 1998. – Nov. 25. – Mode of access: <https://www.heritage.org/report/imf-reform-setting-the-record-straight> [Accessed: 30.03.2019.]

Teo T. *Homo neoliberalus*: From personality to forms of subjectivity // *Theory a. psychology.* – L., 2018. – Vol. 28, N 5. – P. 581–599.